«Исагога» как средневековый источник восточного папизма

Бытует мнение, что т. н. «восточный папизм», или претензии Константинопольских патриархов на властные полномочия над Вселенской Церковью, возник поздно, чуть ли не в период патриаршества печально известного Мелетия Метаксакиса († 1935). Однако корни этого взгляда, оформившегося со временем во вполне систематизированное лжеучение, следует искать еще в средневековый период. Одним из первых документов, на серьезном уровне выдвинувшим идею «восточного примата», является византийский сборник IX века «Исагога» («Эпанагога»), что переводится как «Введение». И в наши дни сторонники «восточного папизма» при построении своей аргументации ссылаются на «Исагогу» («Эпанагогу) как на непререкаемый авторитет. Рассмотрим, чем же, собственно, является этот сборник.

Сборник «Исагога» – это памятник византийской юридической мысли эпохи основателя Македонской династии Василия I (+886). Составителем ее считается свт. Фотий, патриарх Константинопольский, или, как справедливо уточняет Л. Ю. Костогрызова, комиссия, возглавляемая патриархом Фотием.[1] Этот правовой памятник стоит в ряду аналогичных памятников времен первых императоров Македонской династии («Прохирон», «Василики»), создание которых было предпринято с целью кардинального реформирования византийского законодательства после императоров-иконоборцев.

Восточный папизм в «Исагоге»

«Исагога», по выражению академика И. П. Медведева, «содержит единственный в своем роде и не находящий соответствия ни в древних источниках, ни в византийской правовой традиции публично-правовой раздел, касающийся власти светской и духовной и ее представителей – императора и патриарха».[2] Профессор Йоханнес Локин также говорит, что «“Исагога” занимает уникальное место среди поздних юридических книг» и добавляет, что «целью ее являлось не только реорганизовать, очистить и привести в соответствии со временем древний закон, но и переопределить соответствующие компетенции императора и патриарха в пользу последнего».[3]

«Исагога» говорит не о патриархе вообще, а о конкретном, Константинопольском патриархе и возвышает его власть в Церкви до невиданных размеров. На этот правовой памятник ссылаются,

как на якобы вытекающее из правил Халкидонского собора нормативное понимание прав Константинопольского престола в Византии. Учение об исключительном месте Константинопольского патриарха во Вселенской Церкви находим в следующих разделах «Исагоги»:

«Титул III, 9. Престол Константинополя, украшенный царской властью, провозглашен первым соборными определениями; им последуя, божественные законы повелевают возникающие в других престолах сомнения предоставлять на его рассмотрение и суд.

Титул III, 10. Забота и попечение обо всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквах, а также и суд, и предание суду и освобождение от суда принадлежит местному патриарху, а Константинопольскому председателю позволительно не только посылать ставропигии в епархиях и других престолов, но и наблюдать и исправлять бывающие и в других престолах сомнения и полагать конец судам».

Согласно «Исагоге», Константинопольский патриарх – и только он – есть «одушевленный образ Христов, делами и словами в себе самом являющий истину». (Титул II, 1). В силу норм «Исагоги», исключительно Константинопольский патриарх обладал правом толкования церковных постановлений и правил Вселенских Соборов (Титул III, 5). Учение «Исагоги» о роли Константинопольского патриарха во Вселенской Церкви не только соотносится с западным учением о папском примате, но на целое тысячелетие предвосхищает догмат о папской непогрешимости – в отношении «восточного папы», конечно же. Нельзя не остановиться на очень точной, замечательной оценке элементов «восточного папизма», содержащихся в «Исагоге», которую дал такой серьезный исследователь, как протоиерей Валентин Асмус:

«Очень важное различие: то, что в “Эпанагоге” вместо священства, которое, конечно, у Юстиниана обозначает совокупность всего духовенства и, прежде всего, конечно, совокупность епископата, – вместо этого целого мы находим у авторов “Эпанагоги” личность патриарха. В “Эпанагоге” говорится также о епископах, но если патриарх описывается в самых высоких тонах, патриарх есть одушевленный образ Христов, в себе самом являющий истину, то о епископах ничего подобного не говорится, епископы – это всего-навсего администраторы маленьких епархий… Что же происходит? Здесь мы имеем дело с вариантом уже сложившегося папизма… Конечно, здесь уже не вспоминается об идеалах пентархии (пятиглавия, пятивластия), о чем писал еще преподобный Феодор Студит сравнительно недавно, в начале того же самого IX века».[4]

Какова причина появления в византийском церковно-государственном правовом сборнике IX века очевидных черт «восточного примата»?

Прежде всего, не стоит смущаться. «Здесь, – продолжает отец Валентин Асмус, – мы имеем дело с вариантом уже сложившегося папизма. Мы не должны этого пугаться, соблазняться этим, потому что уже давным-давно церковно-историческая наука вскрыла такой соблазн, который действительно существовал в Византии, особенно в поздней Византии. То есть в борьбе против римских притязаний произошло в определенной степени некоторое сползание на римские позиции в отношении учения о первой иерархии».[5] Аналогичный пример можно увидеть и в антипелагианской полемике блаженного Августина: пылко обличая ересь Пелагия, сам Иппонийский святитель не избежал противоположной крайности (ради объективности следует отметить, что в позднейших трудах блаженный Августин скорректировал свою позицию).

Известный византинист и правовед, профессор В. М. Грибовский указывал, что непомерное превознесение роли Константинопольского патриарха в Церкви явилось результатом влияния западно-папистских идей. Профессор Грибовский называет движение, стоявшее за этими идеями византийским «западничеством», которое «усвоило себе… идеал папства в перенесении на византийскую почву. Мы говорим о папистических стремлениях Константинопольских патриархов, домогавшихся не только относительной самостоятельности, но и прямого подчинения себе светского монарха».[6] По мысли В. М. Грибовского, «Исагога» стала лишь временным успехом восточных папистов, с которыми вынужден был считаться в неустойчивом начале своего правления Василий Македонянин, однако уже этот император «не дал ходу распространению “Эпанагоги”, стеснил власть константинопольского первосвященника».[7] Данный политический аспект представляется особенно важным при определении мотивов внесения «восточно-папистских» тезисов в «Исагогу», учитывая содержащееся в ней уравнение патриарха, и именно Константинопольского патриарха, с императором. Знаменитый канонист Н. С. Суворов совершенно точно подметил возникшую в то время в мышлении высшего константинопольского клира параллель: «Мы получаем возможность воочию, так сказать, наблюдать знаменательное историческое совпадение: возвышение Константинопольского патриарха над другими патриархами и поставление этого же патриарха рядом с царской властью идут рука об руку».[8]

В «Исагоге» прослеживается трансформация церковного и государственного правового сознания, трансформация, затемнившая традиционное православное понимание власти императора и власти патриарха. Согласно этому пониманию, общепринятому в Византии, во всем христианском мире, для всей христианской ойкумены есть только один император. Все остальные цари, короли, князья – не более чем местные правители, наместники. Автор «Исагоги» осознанно ставит рядом с единоличным правителем христианской империи – императором Константинополя единоличного судию и правителя Вселенской Церкви – патриарха Константинополя. Однако такая параллель является полнейшим искажением классической Юстиниановой симфонии. Равночестность царства и священства подменяется равночестностью царства и константинопольского патриаршества. Но если учение об особой власти императора ромеев в

христианской ойкумене находится вполне в русле церковно-исторической и святоотеческой традиции, то учение об особой власти Константинопольского патриарха во Вселенской Церкви совершенно противоречит самим основам православной экклезиологии.

Проблема авторства «Исагоги»

Как было сказано выше, в исторической науке считается доказанным тот факт, что подлинное авторство «Исагоги» принадлежит комиссии во главе со святителем Фотием Константинопольским. Это, конечно, льстит претензиям константинопольских «понтификов», но на самом деле не является честным богословским аргументом в пользу далеких от подлинного Православия разделов этого текста.

Так, известно, что ряд канонизированных римских пап защищал учение о папской власти над Вселенской Церковью, однако это учение было отвергнуто полнотой Церкви, признано еретическим, оставшись для Православия лишь частным мнением. Для определения же церковного учения необходимо не одно частное мнение и даже не два или три, а согласие отцов. Об этом, кстати, говорит и сам святитель Фотий: «Если бы 10 или даже 20 отцов сказали так, а 600 и бесчисленное множество не говорили того, кто будет оскорблять отцов – не те ли, кто, заключая благочестие немногих тех отцов в немногие слова и поставляя их в противоречие Соборам, предпочитают их бесчисленному сонму, или те, кто защитниками своими избирают многих отцов»?[9] Ему вторит блаженный Августин: «Человеческое рассуждение, хотя бы этот человек и был православным и высокопочитаемым, нам не долженствует иметь таким же авторитетом, как и канонические Писания, настолько, чтобы считать для нас недопустимым из уважения, которое долженствует таким людям, нечто в их писаниях не одобрить или отвергнуть, если бы случилось нам обнаружить, что они иначе мыслили, нежели это выражает истина, которая с помощью Божией была постигнута иными или же нами».[10]

Авторитет «Исагоги»

Не удивительно, что тексту с такими гипертрофированными и абсолютно папистскими полномочиями Константинопольского престола фанариоты придают чрезвычайное значение. Они считают «Исагогу» «византийским императорским законодательством», сохранявшим в Византии значение действующего кодекса чуть ли не в комниновскую эпоху (XII столетие). Апологеты восточного папизма утверждают, что «Исагога» оказала прямо-таки «огромное» влияние на Византию, глубоко проникла в жизнь общества ромеев, чему приводятся в качестве доказательства заимствования из «Исагоги» в последующие века. Современное грубое вмешательство Константинопольского патриархата на каноническую территории Православной Церкви Чешских земель и Словакии, выразившееся в учреждении антиканонической

«ставропигии» Фанара на территории этой Автокефальной Церкви, также обосновывается ссылками на «Исагогу».[11]

Безусловно, влияние «Исагоги» на умы имело место, но не было огромным. Ее текст имел хождение в Византии, переводился на славянские языки, в частности, русский – однако, не полностью. Это вполне объясняется в частности тем, что в Церкви всегда была активно представлена партия, стремившаяся принизить роль царской власти в пользу духовной, чему ярким примером служит патриарх Никон. Также это объясняется влиянием «Алфавитной Синтагмы» Властаря – так, в славянский мир учение «Исагоги» о власти патриарха и императора проникло через славянский перевод «Синтагмы», выполненный при Стефане Душане. Вместе с тем, не следует забывать авторитетное замечание академика Медведева о единственном в своем роде месте в византийской правовой традиции раздела данного сборника, посвященного власти императора и патриарха.

«Исагога» является памятником не церковного, а светского права. Присущее ей специфическое видение полномочий Константинопольского престола не нашло отражения в каноническом сборнике, принятом Вселенской Церковью, хотя многие другие постановления эпохи святителя Фотия в этот сборник попали (правила двух Константинопольских Соборов – 861 и 879 годов). Да и как могли, например, попасть в церковный сборник правил абсурдные и не встречающиеся в церковных законах претензии Константинопольских патриархов на право установления ставропигий на чужой канонической территории? Как пишет выдающийся русский канонист профессор Павлов, «из какого источника вошло в Эпанагогу это своеобразное постановление, нам неизвестно…; но несомненно, что оно стоит здесь совершенно одиноко и не нашло себе отголоска ни в позднейших законодательных актах, ни в сочинениях авторизованных канонистов. Вальсамон, в других отношениях ревностный поборник прерогатив константинопольского престола, о праве ставропигии говорит, как об общем преимуществе всех пяти патриархов, и знаменательно прибавляет: “никому из патриархов не дано власти посылать ставропигии в область другого патриарха, ни брать его клириков, дабы не смешивались права церквей”».[12]

Также сторонники преувеличения влияния «Исагоги» на византийское правовое сознание прибегают иногда к не совсем точным ссылкам на труды исследователей. Известный пропагандист восточного папизма митрополит Сардский Максим утверждал, что согласно Г. А. Острогорскому, император Иоанн Цимисхий «часто признавал основополагающие принципы ее учения».[13] Однако в своем труде Острогорский просто указывает на то, что кающийся перед Церковью и униженный при начале своего царствования в духе Каноссы Цимисхий был вынужден однажды произнести речь, столь смиренную для византийского императора, что она «звучит как исповедание учения “Исагоги” Фотия».[14]

Вес «Исагоге» пытаются придать ссылкой на немногочисленных ученых, полагавших, что этот сборник был широко применявшимся действующим византийским законодательством. Однако большинство исследователей уверены, что «Исагога» либо вообще не была промульгирована, оставшись просто получившим более-менее широкое распространение богословско-юридическим трактатом, либо же если и была опубликована, то действовала совсем недолго и имела неясный статус, будучи замененной законодательством сына Василия I Льва VI. К первым относятся, например, издатель «Исагоги» Цахариэ фон Лингенталь,[15] Геймбах-старший,[16] Дёльгер,[17] А. С. Павлов.[18] Ко вторым – историк римского права Георг Музуракис[19] и академик И. П. Медведев. Последний категоричен: «Ясно, что из-за отмеченного нами “нонконформизма” всех этих идей Фотия с его явным стремлением ограничить власть императора, оградить от ее посягательств церковную сферу, находившуюся в компетенции патриарха, возвысить и эмансипировать власть последнего, у Исагоги с самого начала не было шансов получить прочный статус официального законодательного сборника, пользующегося поддержкой государственной власти, а в лице императора Льва VI Исагога вообще получила своего безжалостного ревизора и цензора».[20]

Профессор В. М. Грибовский также приходит к выводу, что «Исагога» быстро сошла на «нет» по той причине, что выраженные в ней обширные притязания Константинопольского патриарха не только не имели под собой почвы в религиозно-политических воззрениях населения, но и прямо противоречили самим Императорской власти и церковным традициям.[21] Впоследствии, пишет Грибовский, этот документ «затерялся, затемнился другими юридическими памятниками той же и последующих эпох».[22]

Постановления «Исагоги» о власти патриарха не были приняты в изданный Львом VI сборник «Василики», несомненно и на века ставший сводом действующих законов Империи. Значение этого серьезнейшего аргумента митрополит Сардский Максим пытается парировать на том основании, что «нелегко решить, было ли включено в “Василики” положение “Эпанагоги” о патриаршей власти, учитывая, что полный, аутентичный текст этого сборника не сохранился».[23] Довод очень слабый и не выдерживающий критики. В XII веке, когда текст «Василик» был несомненно цел и невредим, император поручил Вальсамону проверить, что из новелл Юстиниана «всё еще являлось действующим законом, другими словами, что содержалось в “Василиках”, а что нет… Эта ясная и совершенно четкая цель не может оставлять сомнений: любые правовые нормы, не включенные в “Василики”, несомненно утеряли законную силу».[24] В толкованиях на каноны Вальсамон регулярно ссылается с одной стороны на «Василики», с другой стороны – на привилегии Константинопольского престола. Но ни разу Вальсамон не обосновывает эти привилегии такой цитатой из «Василик», которая напоминала бы приведенные выше выдержки из «Исагоги», даже наоборот, подчас он прямо опровергает непомерные папистские амбиции в духе «Исагоги». Это является явным свидетельством отсутствия в «Василиках» учения «Исагоги» о

патриаршей власти. Кроме того, наши знания о Льве VI и истории его взаимоотношений с церковной властью также исключают вероятность включения подобных пассажей в составленный им законодательный сборник. Вообще, аргумент: «до нас такой текст в документе не дошел, но это не значит, что его не могло там быть», - многое говорит о доказательной базе фанариотского церковного права.

Тексты Константинопольских патриархов XIV века и «Алфавитная синтагма» Матфея Властаря

В XIV столетии мы видим тексты, написанные под непосредственным влиянием «Исагоги». Они принадлежат перу Константинопольских патриархов (Филофея и Антония). В них патриарх Царьграда именуется то «наместником Христа на земле» (прямая калька с папского титула!), то «утвержденным Всевышним Богом отцом всех христиан, где-либо обретаемых на земле», то «вселенским попечителем и блюстителем душ», от которого «все зависят, как общего отца и учителя».[25] Появление сразу нескольких ссылок на «Исагогу» в XIV веке указывает на то, что именно тогда она и была вновь запущена в активный оборот сторонниками возвышения власти Константинопольского патриарха как над императором, так и над предстоятелями иных Церквей. Протоиерей Иоанн Мейендорф, изучавший вопрос упоминания «Исагоги» в последующих византийских церковных документах, утверждает, что «ссылки на “Эпанагогу” в патриарших документах XIV столетия могут означать стремление сделать этот документ официальным манифестом византийской политической идеологии».[26] Отец Иоанн Мейендорф не случайно употребил слово «стремление» - не возможно стремиться к тому, что уже утверждено.

Папистские положения из «Исагоги» попали в том же XIV веке и в «Алфавитную синтагму» Матфея Властаря. Как полагает Т. В. Барсов, это якобы показывает, что «Исагога» была действующим законом.[27] Однако она никоим образом не могла быть законом в XIV столетии. Ведь еще в XII веке император Мануил Комнин «в своей новелле о судебной реформе указывал на необходимость использовать в судебной практике только “Василики”»,[28] а поручение жившему в том же столетии Вальсамону при работе над толкованиями канонов состояло, как было показано, в вычленении из старых законодательных норм только тех, которые содержатся в «Василиках», потому что на них смотрели как на единственный легитимный кодекс.

Вообще, наличие в «Алфавитной синтагме» определенных положений из «Исагоги» не придает последней никакого церковного значения. Что такое «Синтагма»? Это не постановления Вселенского или Поместного Соборов, принятые церковной полнотой. По меткому выражению протоиерея Иоанна Мейендорфа, «Синтагма» – это всего лишь «юридическая компиляция XIV века».[29] Матфей Властарь был иеромонахом Константинопольского патриархата, потому не удивительно, что он отражал тенденции, сложившиеся на тот исторический момент в его

патриархате. Одной из таких тенденций, как упоминалось выше, и было стремление придать «Исагоге» характер официального документа. Поэтому Властарь включает положения «Исагоги» в свою компиляцию без всякого критического подхода. Но при этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что в толкованиях канонов Вселенских Соборов, представляющих куда больший интерес, чем вставки из «Исагоги», Матфей Властарь отстаивает точку зрения на полномочия Константинопольского патриарха противоположную той, которая излагается в «Исагоге», в частности, в вопросе судебной власти. Достаточно просто сличить.

В главе 8 раздела «π» Властарь цитирует «Исагогу»: «Престол Константинополя… провозглашен первым соборными определениями… Божественные законы повелевают возникающие в других престолах сомнения представлять на его расследование и суд… Константинопольскому председателю позволительно… наблюдать и исправлять бывающие и в других престолах сомнения и полагать конец судам».[30]

В главе 7 (9) раздела «δ» Властарь так толкует 17-е правило IV Вселенского Собора: «А если кто-нибудь из епископов считает себя обиженным своим митрополитом, то позволяется ему судиться или у экзарха округа, или престола Константинопольского, если, то есть, он подчинен ему, ибо он поставлен судьею не над всеми: потому что узаконено, чтобы сирийские митрополиты подчинялись Антиохийскому престолу, палестинские – Иерусалимскому и египетские – Александрийскому».[31] Фактически – это толкование Зонары,[32] столь неприятное для восточного папства. Показательно, что Властарь соглашается с ним. Учитывая, что автор «Исагоги» основывается на том же правиле IV Вселенского Собора, которое в данном случае совершенно антипапистски толкуется Матфеем Властарем, становится совершенно очевидным, что Властарь иначе смотрит на роль Константинопольского патриарха в Церкви, чем «Исагога».

***

Итак, каков же церковный авторитет «Исагоги»? Либо оставшийся только проектом, либо не переживший и своего издателя Василия I, однозначно отвергнутый его сыном Львом VI, не получивший ни твердого статуса государственного законодательства, ни утверждения на церковных Соборах, этот сборник никоим образом не может рассматриваться как отражающий учение Вселенской Церкви. Максимум, на что он может претендовать в церковном контексте, так это на то, чтобы считаться выражением частных воззрений патриарха Фотия.

Протоиерей Андрей Новиков

---

[1] Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики» // Вестник Пермского университета. 2010, выпуск 4(10), с. 18.

[2] Медведев И. П. Правовая культура Византийской Империи. СПб, 2017, с. 177.

[3] Lokin J. H. A. The Significance of Law and Legislation in the Law Books of the Ninth to Eleven Centuries // Law and Society in Byzantium, 9th-12th centuries / Edited by Angeliki E. Laiou Dieter Simon. Washington. D.C., 1994, p. 71.

[4] См.: Асмус Валентин, протоиерей. История Церкви. Курс лекций. **http://www.pravosludm.narod.ru/lib/asmus/hist_church/15.html**

[5] Там же.

[6] Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. СПб, 1897, с. 118.

[7] Там же, с. 371.

[8] Суворов Н.С. Византийский папа: Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902, с. 134.

[9] Цит. по: Сысоев Даниил, священник. Теологумены в современном богословии // **http://www.moskvam.ru/blessed_fire/08_2002/susoev.htm**

[10] Цит. по: Серафим (Роуз), иеромонах. Место блаженного Августина в Православной Церкви // Приношение православного американца: Сб. трудов отца Серафима Платинского. М., 2003. С. 665.

[11] **https://www.ob-eparchie.cz/2020/02/28/list-z-ekumenickeho-patriarchatu-a...**

[12] Павлов А. С. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права // **https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Pavlov/teorija-vostochnogo-papizma-v-...**

[13] Maximos, Metropolitan of Sardes. The Oecumenical Patriarchate in the Orthodox Church/ Thessaloniki, 1976, p. 151.

[14] Острогорский Г. А. История византийского государства. М, 2011, с. 369.

[15] Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1892, s. 22.

[16] Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. Griechenland. B. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit. Leipzig, 1868, s. 305-307.

[17] Dölger F. Byzanz. München, 1952, s. 97.

[18] Павлов А. С. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права.

[19] Музуракис полагает, что «Исагога» «не обрела силу закона», а была опубликована «с целью всего лишь представить в максимально доступной форме те части Юстинианова законодательства, которые были наиболее пригодны на тот момент» (Mousourakis G. The historical and institutional context of Roman Law. Bodmin, Cornwall, 2003, p. 405).

[20] Медведев И. П. Правовая культура Византийской Империи, с. 177-178.

[21] Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве, с. 344.

[22] Там же, с. 371.

[23] Maximos, Metropolitan of Sardes. The Oecumenical Patriarchate in the Orthodox Church, p. 153.

[24] Lokin J. H. A. The Significance of Law and Legislation in the Law Books of the Ninth to Eleven Centuries, p. 88.

[25] Мейендорф Иоанн, протоиерей. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // **http://vizantia.info/docs/150.htm#_ftnref256**

[26] Там же.

[27] Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб, 1878, с. 199.

[28] Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики», с. 19.

[29] Мейендорф Иоанн, протоиерей. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке.

[30] Матфей Властарь, иером. Алфавитная Синтагма. М, 2006, с. 340.

[31] Там же, с. 156.

[32] Толкование Зонары см.: Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями, М, 2011, с. 214-215.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/45551/